

наследства, вступить за идеи, совсем недавно бывшие знаменем передовой общественной мысли. В литературно-критических статьях, в книгах народников и в самом деле есть немало страниц, наполненных филиппиками в адрес «молодых», порвавших с «заветами отцов»²². Вместе с тем нельзя не заметить, сколь неконкретно, не по существу вели они спор с «ниспровергателями». Бросается в глаза неуверенность, а точнее — неопределенность самого взятого ими тона, которая стала характерной даже для Н. К. Михайловского. Как возражение на статьи В. Розанова в печати появилось несколько выступлений маститого критика. Однако полемики по существу не получилось. Н. К. Михайловский увлекся выяснением узкопартийных споров, распрей народников со славянофилами. По поводу же основного вопроса, вынесенного В. Розановым в заглавие своих статей, он ограничился неопределенными и уклончивыми замечаниями.

Дальше всего от истины может оказаться предположение, что Н. К. Михайловский не видел особого вреда от подобных эпатирующих выступлений и поэтому в споре с В. Розановым не проявились его блистательные качества бесстрашного литературного бойца. До последних дней своей жизни он стремился быть верным освободительным идеям, и сама попытка дискредитации идеалов прошлого представлялась ему кощунственной. Но как бороться за эти идеалы в иных условиях, как утвердить жизнь традиции в современности? Насколько действенными окажутся заветы шестидесятников в 90-е годы? Похоже, Н. К. Михайловский, «последний из могикан» 70-х годов, обладая острым чутьем на новое, не был в то же время уверен в себе и тверд в своих защитительных аргументах. Будучи в глазах литературной общественности ревностным «хранителем» наследства, он не стал, в силу противоречивости и ограниченности своей программы, его продолжателем, его подлинным защитником, не умея показать его жизнеспособность и актуальность в новых условиях. Отсюда — явно оборонительная позиция, занятая им в споре с «мизинными людьми»²³. Порою от спора остается одна видимость: «Я бы мог многое сказать о том, как и почему в период нашего возрождения (так Н. К. Михайловский именует 60—70-е годы. — С. З.) кое-что действительно очень сложное казалось нам очень простым. Но эта обширная тема не затрагивается примером, выбранным самим г. Розановым»²⁴. Вот и все, что видный идеолог народничества счел возможным написать в ответ на главный пункт розановского «обвинения» шестидесятникам — в упрощении сложных явлений жизни и человека. Н. К. Михайловский готов вступить за светлую память Добролюбова и Чернышевского, воздать им должное. В то же время с дистанции пройденного он видит противоречия прошедших этапов общественного движения, и это его смущает; преобразующая суть деятельности революционеров-демократов, их идейно-эстетической программы воспринимается им как славное прошлое литературы, достойное почитания, но не имеющее благоприятной почвы для развития в крайне сложной литературной ситуации 90-х годов.

В атмосфере упорного противоборства разных литературных течений подобная двойственность отнюдь не способствовала устойчивости позиции. И когда народникам пришлось реагировать не на теоретизирования, а на поэтическую практику модернистов, они не всегда оказывались последовательными защитниками реалистического искусства. Симптоматично, что при всей своей непримиримости к декадентству в целом Н. К. Михайловский с сочувствием относился к «походу» декадентов против «иссушающего жизнь влияния науки», за так называемое «раскрепощение индивидуальности», освобождение чувств и т. д.

²² См. например, Александрович Ю. После Чехова. М., 1909.

²³ Выражение Н. К. Михайловского. См. Михайловский Н. К. Литературные воспоминания и современная смута, т. II. СПб., 1900, с. 119.

²⁴ Там же, т. I, с. 381.